

Адам Фаловский*

О ЯЗЫКЕ ЗАПАДНОРУССКОГО КАТЕХИЗИСА ИЗ 1585 Г.

По *Словарю иностранных слов* (СИС 1972: 348): КАТЕХИЗИС (греч. *katechismos* = обучение) – это сжатое изложение христианской веры в виде вопросов и ответов, а также книга, содержащая это изложение. Восточнославянское название *катехизис*, *катихизис* по М. Фасмеру (т. II, 1986: 210) происходит из лат. *catechesis*, а это из греч. *katechesis* ‘поучение, наставление’, *katechein* ‘звучать в ответ’. Как замечает польская исследовательница К. Щипиор (1999: 155): „уже в средневековье появились первые катехизисы, которые писались не только по-латыни, но и на национальных языках. [...] Предвестником этого явления следует признать святого Бонифация, который для своих миссионерских целей составил 15 так называемых «*sermones*»”. Одним из постановлений Тридентского собора (1545–1563) был проект составить единое изложение католической веры в виде катехизиса. Осуществление этого замысла продолжалось в течение нескольких лет (1562–1566) и получило название „Римский катехизис” (*Catechismus ex decreto concili tridentini ad paro Pii V jussu editus*). Вскоре, следуя совету Греческой конгрегации, созданной в 1573 г. папой Григорием XIII он был переведен на новогреческий язык и отправлен на Ближний восток в числе 12 тысяч экземпляров (Кумор 1994: 26). Уже в 1568 г. „Римский катехизис” был издан в Польше в переводе ксендза В. Кучборского, а в 1603 г. новый перевод упоминаемого катехизиса вышел из печати в Калише, благодаря усилиям примаса Ст. Карнковского (ЭИ 1996: 273).

Первый протестанский катехизис (М. Лютера – малый и большой) был напечатан в 1529 г. В 1537 г. в Женеве появился кальвинский катехизис на французском языке, в 1543 г. в Пресвитерианской церкви – *Asembly catechism*, а в 1553 г. в Англиканской церкви – *Church catechism* (Щипиор 1999: 156).

* Ягеллонский университет, Лодзинский университет.

Самую большую роль в приготовлении и обучении катехизису сыграли несомненно иезуиты. Следует упомянуть два катехизиса Петра Канисия. Первый из них, так называемый „большой” (*Summa doctrinae et institutionis*) появился в 1554 г. Однако, намного известнее, моложе на 4 года, маленький катехизис (*Parvus catechismus catholicorum*), который издавали 400 раз в течение 150 лет и переводили на все европейские языки (ЭИ 1996: 273). Вместе с иезуитами он прибыл и в Польшу, а его первое польское издание состоялось 1565 г. в Кракове. В Польше его издавали свыше сорока раз как на латинском, так и на польском языках. Первый польский перевод малого катехизиса – это труд иезуита Якуба Вуека (*Maluczki katechyzm Kościoła Powszechnego*, Краков 1570), который является переводчиком и второго иезуитского катехизиса Якуба Ледесмы (*Nauka chrześcijańska albo Katechizmik dla dzieci*, Краков 1572, на этот раз перевод сделан с итальянского). Третьим иезуитским катехизисом следует назвать *Compendium doctrinae christianae* (в переводе на польский: *Summariusz nauki chrześcijańskiej*, Краков 1608) Роберта Беллармина, который издавали в Польше 32 раза под разными заглавиями.

КАТЕХИЗИС НА РУСИ

Список самых старых (т.е. относящихся к XVI ст.) восточнославянских катехизисов состоит из четырех заглавий. Они возникли во второй половине XVI в. (1562–1600).

Катехизис 1562 г.

Список возглавляет протестанский *Катихисисъ, то есть, наука стародавняя хрїстїанская ѿ(т) светого писма, для простыхъ людей языка руского въ пытаниахъ и ѿ(т)казѣхъ събрана* (Несвеж, 1562). Его автором является Симон Будный, с которым сотрудничали в этом деле: староста Матвей Кавечинский – основатель несвежской типографии и Лаврентий Кришковский – министр несвежской кирки. По сведениям И. Каратаева (1861, ном. 50), до наших дней сохранилось 6 экземпляров этого издания (по новейшим данным – 10). Катехизис состоит из 260 листов, из которых 9 занимают: посвящение Радивиллам (с. 2–6), заканчивающееся словами: „Данъ зъ Города Несвижского, ѿ(т) выпощенья Хр[ис]това, В'року тисяч'номъ пАтьсотномъ ше(с)десАтомъ и второмъ. М[е](с)[е]ца Іюня двана(д)цатого днА. Вашіихъ КнАжацки(х) м[и]л[о](с)ти повольные слуги Матвей Кавечинский. Симѡнъ Будный.

Лавре(н)тей Кришковскій” и предисловие (с. 7–9): „Къ всѣмъ благовѣрнымъ христїаномъ языка руского предъсловїе къ катихисїю”. Разделенный на 4 части катехизис дает основательное изложение христианской науки в духе протестантизма. На обороте последнего листа находится следующее послесловие: „Доконана е[сть] сїа книга зовемая Греческимъ языко(м) Катихисїс, а пословеньски оглашенїе, Богу кочти и посполитымъ людемъ языка Руского к’наказанью идоброму наученью, накладо(м) боголюбивы(х) мужей, Пана Матѳїа Кавечинского Намѣстника Несвиж’ского, Сїмона Бу(д)ного, Лавѣрентїа Крышков’ского. На городѣ Несвиж’кимъ. Подъ лѣты ѿ(т) воплощенїа спасова, тисеча, пАтисотъ шестьдесАтъ второго, месеца Ёюнїа десАтого днА”.

Язык катехизиса был еще в конце XIX ст. предметом исследований выдающегося белоруссиса Е. Ф. Карского (1893: 190–191), который подробно описал фонетические и морфологические черты памятника, представил его избранные синтаксические особенности и в конце составил список 225 редких слов, в большинстве польского происхождения, нпр. **ачькольвекъ, блонзилъ, гамовати, драбы, лупежники, наполь, ницовати, ѿбрюсь, плюгавство, припатрисА, роспачь, скутокъ, тверезь, уквашливѣ, шидерство**. Изучив тщательно памятник, автор пришел к следующему выводу относительно характера языка исследуемого текста: „Как можно видеть из приведенных данных, книга появилась исключительно в пределах южной части Белоруссии (Клецк – предисловие писано у клец’ку 3б предисловие, Несвиж), поблизости с Полесьем; поэтому естественно, что в ней, рядом с формами белорусскими, иногда встречаются и черты, несколько напоминающие малорусские особенности. С другой стороны, так как составители катехизиса, особенно Симон Будны, писали и по-польски (последний, как известно, сделал перевод библии на польский язык), то естественно, что в их катехизисе встречается также много полонизмов, хотя издатели его в посвящении и заявляют: «Слушная речь есть, абы ваши кнАжац’ские милости того народу языкъ миловати рачили, въ которомъ давньные предъки и ихъ кнАжац’ские милости пановѣ отци вашихъ кнАжец’скихъ милости славъне преднеишие преложеньства несутъ». Впрочем полонизмы заметны в словарном запасе и только изредка в звуках и формах. Наконец, в книге иногда очень заметна церковнославянская стихия: это в тех местах, где приводятся тексты Св. писания; тут попадаются даже очень архаические написания, вроде **кыи храмъ, мльчаливого, трАсущаагосА** и под. Интересно, что, хотя в Западной Руси в начале XVI в. уже был в обращении перевод библии Ф. Скорины, составители катехизиса им, кажется, не пользовались”.

Катехизис 1595 г.

Православный катехизис 1595 г., изданный в Вильне и приписываемый Стефану Зизанию, яростному противнику унии, учителю виленской братской школы, к сожалению, до наших времен не дошел. Появляются о нем только отдельные упоминания в каталогах и других источниках. Посредственно о его существовании – в том числе и в польском варианте рядом с западнорусским (*Plewy Stephanka Zyzaniey Heretika z cerkwi Ruskiey wykletego* – см. Каратаев 1883, 262) – свидетельствует пылкая полемика с содержанием катехизиса богослова Щенного Жебровского в брошюре под заглавием *Kąkol, który rozsiewa Stephanek Zyzania w cerkwiach ruskich w Wilnie przy tym napomnienie krótkie do uniey Kościoła Ruskiego z Łacińskim*, Краков 1595. Автор подверг всесторонней и резкой критике сочинение Ст. Зизания в девяти главах, которые назвал „куколями”.

Относительно недавно возродилась дискуссия вокруг этого, уже почти совсем забытого, катехизиса благодаря известному слависту-украинисту О. Горбачу. В 1984 г. он опубликовал статью под много обещающим заглавием *Чи копія частини невіднайденого катихизму Степана Зизанія?* Речь пошла о рукописи Упсальской библиотеки (шифр: *Slav 56*), содержащей текст религиозно-поучительного характера, которую шведская исследовательница К. Давидсон (1975: 73) признала совсем необоснованно копией, написанного Ст. Зизанием, произведения под заглавием *Казание св. Кирилла об антихристе и знаках его, с расширением науки против ересей розных*, изданного на польском и русском языках в Вильне 1595 г. О. Горбач доказал, вне всякого сомнения, что этот памятник не имеет ничего общего с сочинениями Ст. Зизания. По его мнению, это компиляция, которая возникла в среде старообрядцев („Йтися могло хіба про якийсь відлам старовірства, що рвав із східньоцерковною традицією” – Горбач 1987: 51), обнаруживающая некоторые сходства с русским (церковно-русским) переводом малого катехизиса М. Лютера, сделанным Гансом Флэрихом, немецким переводчиком на дворе царя Б. Годунова и напечатанного в Штокгольме в 1628 г.

Катехизис 1600 г.

Следующий катехизис названной группы *Катехизісь, або визнання вѣры святое, апостольское, въсходнее церкви* отличается во многих отношениях от всех остальных. Он сохранился только в рукописи, и нет уверенности в том, что он вообще когда-нибудь издавался. Известно

всего лишь время его возникновения (1600 г.), относительно же автора существуют предположения, что мог ним быть Лаврентий Зизаний. К такому выводу пришел издатель, С. Голубев, который сопоставил рукописный катехизис с известным, более поздним, катехизисом Л. Зизания, изданным в Москве в 1627 г. Согласно его мнению: „между обоими этими произведениями есть немало общего, – общего в развитии мыслей, в научных приемах и даже в выражениях” (с. 6).

С. Голубев (1890: 3) считает, ссылаясь на данные, содержащиеся в полемических сочинениях архимандрита Дерманского монастыря Яна Дубовича (*Hierarchia albo o zwierzchności w Cerkwi Bożej*, Львов 1644: 93) и иезуита Феофила Рутки (*Herby albo znani kościoła prawdziwego...* (Люблин 1696: 175), что катехизис издавался дважды: сначала в 1600 г. – в типографии виленского братства св. Духа и второй раз – в 1611 г., в Евье.

По С. Голубеву (1890: 5), „Катехизис написан в духе строго православном”. Он состоит из 12 глав, которым предшествует краткое замечание о разделении Символа веры на 4 части, заканчивается же кратким наставлением о необходимости добрых дел для каждого верующего христианина. Сразу видно, что имеем тут дело с незаконченным произведением, не представляющим катехизического учения православной церкви в полном его объеме. Это лишь часть катехизиса, или – точнее – собрание трактатов по некоторым важнейшим вопросам православной догматики, причем трактат о Боге, едином по существу, но троичном в Лицах, изложен с особенною полнотою и обстоятельностью, превышающими требования даже от пространного катехизиса. Последнее обстоятельство наводит русского филолога на мысль „не представляет ли наш Катехизис извлечения из более обширного курса тоговременной догматики, читанного в Виленской братской школе?”. Вполне возможно, что не весь курс, а только часть его могла быть напечатана автором, как лучше им обработанная, а главным образом, как более необходимая, как наиболее удовлетворяющая нуждам школы.

В момент издания (1890 г.) катехизис, составляющий часть сборника (всех листов – 351), находился в библиотеке Киево-Софийского собора под ном. 46.

Катехизис 1585 г.

Катехизис, которому мы уделяем наиболее внимания, это католический, виленский катехизис 1585 г.: *Катехиз’мъ или наоука всѣмъ православнымъ хр(с)тіАно(м) кповченію вел’ми полезно з лати(н)ского языка на рускій языкъ ново преложено. Друкованъ оу вильни року бо(ж) наро(ж) 1585 з дозволеньемъ старъшихъ.*

Он представляет собой русский (западнорусский, старобелорусский) перевод латинского иезуитского катехизиса П. Канисия *Parvus catechismus catholicorum*. До сих пор текст не был предметом обстоятельных исследований с языковедческой точки зрения, что, очевидно, следует связывать с его недоступностью (до недавних пор исследователям были доступны лишь только 11 листов памятника, хранящиеся в Публичной библиотеке в Санктпетербурге). Очень скудные сведения о нем содержат русские источники XIX в.: каталоги В. Сопикова (1813, ном. 553), И. П. Сахарова (1849, ном. 74), И. Каратаева (1861, ном. 90; 1883, ном. 111) и польские: Я. С. Бандтке (1826: 259), К. Эстрейхера (1903: 189). Некоторые из них даже называют имя автора перевода. Так например Ст. Заленский (1900: 552) в своем монументальном труде *Иезуиты в Польше* пишет: „Szli obydwóch [имеется в виду Piotr Skarga i Benedykt Herbest – A. F.] śladem misjonarzy kolegiów i domów wileńskiego, połockiego, nieświeskiego, lubelskiego, jarosławskiego, lwowskiego. A nie przestając na żywym słowie, ogłosili drukiem kilka polskich i ruskich pism dla rozproszenia ciemnoty ruskiej, jak przekład Genadiusza Scholara, patriarchy Carogrodu: „«Obrona synodu florenckiego» 1581, O. Wasyla Zamaskiego: «Katechizm Kanizjusza» 1582, podręcznik ruski: «Katichizis, ili nauka wsiem prawosławnym christianam» 1585”.

Настольная Церковная энциклопедия (НЦЭ 1910: 24), ссылаясь на того же Ст. Заленского, замечает: „Wkrótce ukazały się różne wydania i przekłady małego katechizmu Kanizjusza [...] tłumaczenie ruskie o. Wasyla Zamaskiego T.J. w r. 1585 pt. «Katichizis ili nauka wsiem prawosławnym christianam»”. В свою очередь Я. Третьяк (1912: 88) констатирует следующее: „W istocie już w 1581 wyszedł w Wilnie z drukarni Radziwiłowskiej wyciąg z apologii florenckiego soboru (o pochodzeniu Ducha św.) Gennadyusza, zrobiony przez pewnego jezuitę Rusina Bazylego Amaskiego inaczej Zamaskiego, który wraz z Possewinem jeździł do Moskwy. W r. 1582 wydano w Rzymie katechizm Kanizjusza po rusku, a w r. 1585, w Wilnie, inny katechizm przełożony z łacińskiego na język ruski”.

Единственная научная работа, посвященная языку рассматриваемого памятника, принадлежит перу белорусского языковеда Е. Ф. Карского (1893). Следует однако подчеркнуть, что Карский сосредоточился главным образом на протестантском катехизисе 1562 г., что касается второго памятника, то располагая всего одиннадцатью листами (последняя, пятая глава) он не мог уделить ему столько внимания, сколько тот несомненно заслуживает. Тем не менее автор вполне осознает большую ценность исследуемого памятника: „Что касается второй книги – катехизиса 1585 г., то она привлечена к исследованию главным образом потому, что, будучи малой по объему (в экземпляре С.-Петербургской публичной библиотеки, которым мы пользовались), она содержит обилие интересных данных” (с. 190).

Насчет авторства перевода белорусский ученый откровенно сознается в своем незнании: „Кем сделан перевод этого катехизиса с латинского, трудно сказать. Несомненно только, что он предпринят с целью дать отпор лютеранам, а также, вероятно, не без намерения совращения православных в католичество: этим, я думаю, следует объяснить и мистификацию в заголовке (всем православным...)” (там же).

В более новое время виленский катехизис использовал в своих исследованиях шведский славист А. Нигольм. Однако он не внес каких-либо существенных сведений относительно происхождения памятника, ограничиваясь несколькими обобщениями, касающимися общественно-политической и конфессионально-языковой ситуации Вильны в к. XVI в. Он называет памятник „äldsta ortodoxa katekes” (Нигольм 1996: 140). У шведского слависта был легкий доступ к катехизису, так как два полных экземпляра виленского издания находятся в Библиотеке Упсальского университета (шрифты: *Kyrk Slav. 1*, *Kyrk. Slav. 157*). В настоящее время я готовлю его филологическое издание.

ИЕЗУИТЫ В ВИЛЬНЕ

Появление, обсуждаемого здесь, русского катехизиса нужно связывать с деятельностью иезуитов в Вильне. Недавно вышла из печати моя статья на эту тему. Статья *Роль виленских иезуитов в развитии школьного дела, западнорусского языка и письменности в XVI в.* была опубликована в 3 томе *Krakowsko-wileńskich studiów slawistycznych* (Фаловский 2000: 193–214).

Иезуиты появились в Вильне 28 сентября 1569 г. Спустя год они уже открыли коллегию, которая потом (в 1579 г.) стала Виленской академией. Обучение катехизису сыграло важную роль в миссионерской, проповеднической и дидактической деятельности виленских иезуитов. Они ввели его в школу с самого начала. Учили катехизису по-латыни в высших классах и по-польски в низших. Обучение проходило ежедневно, кроме праздников и дней свободных от науки. Катехизис сыграл также существенную роль в обучении русскому языку. Список уроков 1583 г. свидетельствует о том, что в Виленской академии учили русскому языку, хотя в небольшом размере: ежедневно утром и после обеда учили читать и писать, затем переводить и учить наизусть тексты из Священного писания и катехизиса. Это для нас очень важная информация, свидетельствующая о том, что уже тогда должен был существовать русский перевод катехизиса.

Деятельность Антония Поссевино

Однако нельзя сомневаться в том, что появление русского перевода иезуитского катехизиса П. Канисия и его печатное издание это заслуга выдающегося иезуита, великолепного оратора, ученого богослова, организатора и дипломата, папского легата в тогдашней Речи Посполитой – Антония Поссевино (1533–1611). Отправлен в 1581 г. в Москву он довел до заключения мира между Иваном Грозным и Стефном Баторием (15 I 1582), организовал несколько папских семинарий (Вильно – 1583), приготавливал церковную унию России с Римом.

Продумывая причины неудачи унийной миссии в России А. Поссевино пришел к выводу, что план миссии был подготовлен неправильно, и что нужно вести постепенную, систематическую и солидную пропагандистскую работу, главным образом просветительную и издательскую. Он составил очень богатый план переводов и печатаний богослово-полемических сочинений, богослужебных книг и дидактических пособий. И. Крипьякевич (1928–1930: 548) считает, что благодаря А. Поссевино на русский язык были переведены такие произведения как: 1) трактат Геннадия о примате папы; 2) катехизис П. Канисия; 3) булла Евгения IV; 4) исповедание веры Пия IV; 5) его собственные различия между греками, русинами и латинниками. Переводов могло быть больше, но кроме катехизиса, возможно, они никогда не печатались.

Катехизис Петра Канисия

В мемориале 1581 г. А. Поссевино планировал перевод большого катехизиса (*Summa doctrinae Christianae per questiones tradita*, Вена 1554). Это намерение быстро осуществилось; славянский перевод вышел из печати уже в 1583 г., вероятно в Риме: *Сумма, Наука христiанскога частнаго научителя богослова Петра Канисие тоумачена изъ Латинского языка оу Словински оутищена*, Лѣто Господне 1583. Перевел „изъ Влашкога, илы Латинскога языка оу Словинскы языкъ... Попъ Шимунъ Будинео Задранинь” (Каратаев 1883: 223–224).

Однако славянский перевод, собственно говоря, южнославянский (хорватский), не соответствовал потребностям А. Поссевино, который настаивал на чисто русском переводе. В 1585 г. он передал в Рим информацию, что в иезуитской семинарии в Бранево готовится перевод катехизиса на русский язык. В более позднее время он „старался напечатать несколько сот катехизисов русским шрифтом в Вильне в Литве” (Крипьякевич 1928–1930: 545).

Следовательно, очень вероятно, что катехизис на русский язык переводило не одно лицо, а несколько человек (коллектив) и, что это не был – как считали некоторые – русин о. Василий Замаский, один из двух личных переводчиков А. Поссевино.

ИЗДАНИЕ КАТЕХИЗИСА

Очень загадочным является вопрос печатного издания виленского катехизиса. В какой типографии он был печатан? На титульном листе нет информации на эту тему (Друкованъ оу вильни).

Известно, что папский посол хлопотал о приобретении типографии, в которой можно было бы печатать все материалы и пособия необходимые для миссионерской работы среди православных. Он добивался также того, чтобы отлить, используя уже имеющиеся в Риме пунсоны (матрицы), оловянные литеры для русинов, москалей, волохов и болгар (Крипякевич 1928–1930: 550). Однако все эти усилия и старания А. Поссевино, к сожалению, не окончились успехом, ему не удалось создать необходимых условий для печатания книг кириллицей. Как известно, виленские иезуиты переняли (уже в 1575 г., официально в 1585) брестскую типографию Радивилов, но из-за отсутствия кириллического шрифта в ней могли печататься только книги на латинском и польском языках, позднее также на литовском и латышском, но не на русском (церковнославянском) языках. Из вышесказанного следует, что виленские иезуиты (в том числе и А. Поссевино) должны были обратиться к какой-то виленской типографии, которая располагала кириллическим шрифтом.

Я. С. Бандтке (1826: 259) считал возможным, что это могла быть братская типография Св. Духа, что однако расходиться с истиной, так как в 1585 г. этой типографии еще не было; она возникла лишь в 1589 г. Таким образом, единственной типографией, к которой они могли обратиться за помощью, оказалась типография дома виленских купцов Мамоничей (1575–1622), которая в это время выпускала кириллические книги. Такую точку зрения подтверждает и А. С. Зёрнова (1959: 181) в статье *Типография Мамоничей в Вильне – XVII в.*, которая пишет: „Совершенно иным характером отличается другое издание 1585 г., которое по типографскому материалу следует отнести к изданиям Мамоничей, хотя имени их на нем нет. Это Катехизис (Катехизм); он сохранился в единственном экземпляре, но только в отрывке. [...] Шрифт, которым напечатан Катехизис, тот же, что во второй части Сборника (более близкий к шрифту Ивана Федорова, но более мелкий и со значительными отклонениями в сторону рукописных

почерков – там же). В оформлении Катехизиса обращает на себя внимание линейное обрамление страниц, которого у Мамоницей не применяли ни в одном издании XVI в. Самый набор сделан много хуже, чем в Сборнике, литеры выскакивают из строки. Кроме того, поражает обилие опечаток, пропусков букв, неправильных переносов и слов со страшной орфографией; отомъщяя вм. отомъщяня, объяден вм. объядение, дел-ают, с-праведливе, ліееность вм. лїнность. Производит впечатление, что наборщики не умели обращаться с этим шрифтом, и набор получился много хуже, чем в Сборнике, и что наборщики и редакторы не знали русского языка. Не могло ли быть, что у Мамоницей взяли шрифт, а печатали издание в иезуитской типографии?”.

ЯЗЫК КАТЕХИЗИСА

Поскольку некоторые черты языка катехизиса, наблюдаемые на графико-фонетическом и морфологическом уровнях наводят мысль о языковом родстве нашего памятника и изданий Ф. Скорины, вполне обоснованной является попытка проверить, насколько это сходство подтверждается на уровне лексики. Ради этого необходимым оказалось сопоставление всего словарного запаса, анализируемого памятника (ок. 1380 лексических единиц), с соответствующим лексическим материалом, извлеченным из текстов виленского типографа. Я воспользовался тут двохтомным *Словарем языка Скорины* (СЯС 1977–1984), однако принимая во внимание довольно большое количество ошибок, которыми вышеуказанный словарь изобилует (главным образом это касается объяснения значения отдельных лексем) следовало проявить здесь далеко идущую осторожность и критичность.

Результаты этого сопоставления вполне подтверждают более ранние предположения. Зависимость языка исследуемого катехизиса от языка текстов Ф. Скорины на уровне лексики не вызывает сомнения. Среди 1380 единиц, выступающих в катехизисе, свыше 910 составляют слова и словосочетания идентичные в отношении формы и значения со словами и словосочетаниями, функционирующими в текстах белорусского гуманиста. Указанное число сходств нужно признать значимым, если принять во внимание факт, что оба источника принципиально отличаются по содержанию. Тексты Ф. Скорины – это кроме Апостольских деяний перевод Ветхого завета вместе с оригинальными комментариями в виде предисловий или послесловий. Текст катехизиса основывается прежде всего на Новом завете (Евангелие, наука Христа и Церкви).

Значительно меньшее количество (всего лишь 470 единиц) слов не находит полной формально-семантической равноценности в языке Ф. Скорины. Однако это отнюдь не значит, что ее следует совсем исключить, так как подавляющая часть из четырехсот с лишком лексических образований, созданных иезуитами в языке катехизиса, находит родственные формы в словарном фонде языка Ф. Скорины, причем степень родства далеко не одинакова. Это (данные только в небольшом выборе):

а) словообразовательные варианты:

ТВОРЕЦ (К) – ТВОРИТЕЛЬ (С)

ДОБРОСТЬ (К) – ДОБРОТА, ДОБРОТЛИВОСТЬ (С)

СКВЕРНОСТЬ (К) – СКВЕРНА (С)

НАВЫСОЧАИШИИ (К) – НАВЫШШИИ (С)

КРАТКО (К) – КРАТЦЕ (С)

БЛАГОВЕСТИЕ (К) – БЛАГОВЕСТОВАНИЕ, БЛАГОВЕЩЕНИЕ (С)

НАТЩЕ (К) – ВОТЩЕ (С)

ИДОЛОХВАЛЬСТВО (К) – ИДОЛОХВАЛЕНИЕ (С)

НАСИЛЬСТВИЕ (К) – НАСИЛИЕ, НАСИЛЬСТВО (С)

б) слова общего корня, представляющие разные части речи и категории слов, обычно не связанные непосредственной деривационной зависимостью:

ПОЛЕЗНО, ПОЛЕЗНЫИ (К) – ПОЛЬЗОВАТИ (С)

РОСПЯТЫИ (К) – РОСПЯТИСЯ, РОСПЯТИЕ (С)

ОДЕСНУЮ (К) – ДЕСНИЦА, ДЕСНЫИ (С)

ПОГИБЕЛНЫИ (К) – ПОГИБАТИ, ПОГИБНУТИ, ПОГИБЕЛЬ (С)

ВИДИМЫИ (К) – ВИДЕТИ (С)

ПРОПЯТЫИ (К) – ПРОПИНАТИ (С)

БЕЗПЕЧНЫИ (К) – НЕБЕЗПЕЧЕНСТВО (С)

НЕВОЗБРАННО (К) – ВОЗБРАНИТИ (С)

ЧЕТВЕРИЦЕЮ (К) – ЧЕТВЕРЫИ (С)

НАПОСЛЕДОК (К) – НАПОСЛЕДЫ, ПОСЛЕДНИИ (С)

в) производные слова и словообразовательные основы, засвидетельствованные попеременно в обоих источниках:

ДОЗВОЛЕНЬЕ (К) – ДОЗВОЛИТИ (С)

БЕСЕДОВАНЬЕ (К) – БЕСЕДОВАТИ (С)

ПОВСТАНЬЕ (К) – ПОВСТАТИ (С)

СКВЕРНОСТЬ (К) – СКВЕРНЫИ (С)

ОБЪЯВИТИСЯ (К) – ОБЪЯВИТИ (С)

ОТСТУПНИК (К) – ОТСТУПИТИ (С)

ПРОЯВИТИ (К) – ЯВИТИ (С)
 НАОСТАТОК (К) – ОСТАТОК (С)
 ИСКУС (К) – ИСКУСИТИ (С)
 НЕПОПУДЛИВОСТЬ (К) – ПОПУДЛИВЫИ (С)
 ОСТАЛЫИ (К) – ОСТАЛЕЦ (С)

г) формально идентичные слова, различающиеся значением:

ПРЕДАНИЕ ‘предание’ (К) – ‘измена, предательство’ (С)
 НЕПОДОБНЫИ ‘невозможный’ (К) – ‘непохожий, отличный’ (С)
 ГЛАВА ‘предводитель’ (К) – ‘голова; глава’ (С)
 НАЧАТОКЪ ‘начало’ (К) – ‘первые плоды (хлеба, фруктов и т.п.); приплод’ (С)
 НАКАЗАНИЕ ‘наказание’ (К) – ‘поучение, наука’ (С)
 ЗАТВЕРЖАТИ ‘закрывать’ (К) – ‘делать твердым’ (С)
 СОВЕСТЬ ‘способ; воля’ (К) – ‘совесть’ (С)
 НЕДЕЛЯ ‘воскресенье’ (К) – ‘неделя’ (С)
 ОСОБНО ‘особенно’ (К) – ‘отдельно’ (С)
 КАЗИТИ ‘позорить’ (К) – ‘уничтожать’ (С)
 ОТВЕРЖЕНИЕ ‘отказ, отклонение’ (К) – ‘открытие’ (С)
 ПОЧИТАТИ ‘признать чем-л.’ (К) – ‘уважать; изучать’ (С).

Если и эту довольно многочисленную группу слов признать сходной с лексиконом Ф. Скорины, тогда останется уже совсем небольшое число лексем, которые решают о своеобразии языка катехизиса. Это вполне естественно, что для некоторых понятий отсутствующих в ветхозаветном мире, которые появились в христианском учении, основанном на науке Христа и Церкви возникла потребность создать новые термины, уже не находящие лексико-семантической поддержки в текстах Ф. Скорины. Эту группу слов стоит внимательно рассмотреть, поскольку она позволяет оценить филолого-языковедческую изобретательность переводчиков, результаты поисков источников и принципов отбора слов, а также умение придавать им новые значения уже имеющимся словам, механизмы заимствования и калькирования иностранных моделей и т.п.

В указанной группе слов, насчитывающей 134 единицы, различаются:

а) слова неславянского происхождения (11):

КАТЕХИЗМ, ДРУКОВАТИ (С: ТИСНУТИ), САКРАМЕНТ, ЕРЕСЬ, ЛИТОРГИЯ, СХИ(Ы)СМАТИК, ИКОНА, СИНОД, САМАРЯНИН, МЮРО, ОБЪЯТА;

б) церковнославянизмы (47):

ПРАВОСЛАВНЫИ, ПРЕДАНИЕ АПОСТОЛЬСКОЕ, ВОЗМЕЗДЬЕ, НЕОСЯЗАЕМЫИ, ПРИЧЕТ, ВАРОВАНИЕ, ОТРИЦАТИСЯ, МЫТОИМЕЦ, ДОБРО-

РАЗУМИЕ, НАСУЩНЫЙ, БЛАГОДЕЯНИЕ, СЛАВОСЛОВИТИ, ДОСТИГ-
НУТИ, ДОСТИЖЕНИЕ, ИЗВЕСТНО, ПРИСВОЕНИЕ, БРЕЖЕНИЕ, ВОЗДЫ-
МАТИСЯ, ДОСТОВЕРНЕ, ВЕЛЕДАЛЕЧЕ, СВИРЕПСТВО, СРАМЕЖЛИ-
ВОСТЬ, ОХИЩЕНЫИ, СКРИЖАЛЬ, ПРЕДЛЕЖАТИ, ПРАВОВЕРНЫЙ,
МУЖЕЖЕНСТВО, ДОБРЕУГОДНЫЙ, СПОСОБСТВОВАТИ, ПРЕОБРАЖЕН-
НЫЙ, ВНЕУДЫИ, РАЗРЕШЕНИЕ, ИСПРАВЛЕНИЕ, ВОСПИТАТИ, ЕДИ-
НОЖДЫ, БРЕЩИСЯ, ПОДУЩЕНИЕ, СЛАСТОЛЮБИЕ, НЕБРЕЖЕНИЕ,
ОТРЕВАТИ, ЗАИЗРЕНИЕ, ЖЕСТОСЕРДИЕ, ОХИЛЯНИЕ, СЛАБОСТЬ,
БОГОУГОДНЫЙ, УБЛАЖАТИ, МИРОТВОРЕЦ;

в) полонизмы (55):

РОК (С: ГОД), СКЛАД АПОСТОЛЬСКИЙ, ХОТЯЖ, ОБЛУДНЫЙ, ТРВАТИ,
НАДТО, ОХОТНЕ, ПРИТОМ, ЧУЖОЛОЖИТИ, ЧАРНОКНИЖСТВО, ВЫБ-
РАНЬЕ ЧАСОВ, ХОТЯНАМНЕИ, ЗАМОВНЫЙ, ВСПОМОЖЕНИЕ, ПРЕЛО-
ЖЕНЫИ, ПАПЕЖ, УВАЛАЧАТИ, МОРДОВАНИЕ, НАЛЕЖАТИ, ВСЕТО-
ЧНОСТЬ, ЕСЛИ, ПРИВЛАЩЕНИЕ, ЗЫСК, ПОЖОДЛИВОСТЬ, ПРИВЛА-
ЩАТИ, ЗАИЗРОСТЬ, ВОСПАЧНЫЙ, НАБОЖЕНСТВО, ПРИСТОИНЕ/ПРИ-
СТОИНО, ОЗДОБИТИ, ПОРЯДНЕ, ОТПРАВОВАТИ, АБОВЕМ, ЗВЕРХНИИ,
ПОВАГА, ПРИВЛАЩЕНИЕ, НАСТУПОВАНИЕ, ОТНОВЕНИЕ, ПРИТОМ-
НЫЙ, ОБЕЦНЫЙ, ОСОБА, СКАРАДНЫЙ, УЧИНКОВЫИ, ПОВСЯДНИИ,
ГОИНОСТЬ, ЗЫЧЛИВОСТЬ, УСПРАВЕДЛИВЕННЫЙ, ЧТОДЕНЬ, ПРИНА-
ЛЕЖАТИ, ВОПЛИВЫИ, НАЧЕЛЬНЕИШИИ, РАЗТРОПНОСТЬ, СТАТЕЧНЕ,
УМЕЕТНОСТЬ, ПЕКЛО;

г) кальки, полукальки (7):

ПОВСЕЛЕННЫЙ, ОГНЬ ЧИСТЫИ, ОСТАНОЧНОЕ ПОМАЗАНИЕ, ИБОВЕМ,
ЗАИСТИННУ, ГРЕХ СОДОМСКИЙ;

д) русские слова (14):

ОПРОЧЕЕ, ПОВЕТРИЕ, ПОДЛИННО, НЕПРОТЯЖНО, УДОБНО/УДОБНЫЙ,
ЗАКЛЮЧАТИСЯ, ЗАНЕДОСУЖИТИСЯ, ОДНОЛИЧНЕ, ЗЛОЯЗЫЧНИК,
АЖЕ, РАЗ, ПОДРУЧНЫЙ, СВАДЫ, СТЕПЕНЬ.

Из представленного выше списка слов следует, что новые лексемы
были извлечены переводчиками прежде всего из лексических ресурсов
церковнославянского и польского языков. И это ничуть не удивительно.
Оба этих языка годились в значительно большей степени к переводу
религиозного текста, чем живой западнорусский язык. Что касается
польского языка, то имеются основания предполагать, что иезуиты
вероятно пользовались польским переводом катехизиса Якуба Вуека,
изданным в Кракове в 1570 г. К сожалению, у нас нет возможности
проверить, в какой степени польский перевод повлиял на русский, так
как не дошел до наших дней ни один экземпляр польского перевода.

Особенно интересной является попытка иезуитов-русинов создать религиозную терминологию, с учетом уже существующих церковнославянских и польских образцов, но также с использованием лексических ресурсов живого западнорусского (белорусского) языка. Этой проблематике стоит посвятить отдельное исследование.

Очень интересное явление, характерное для исследуемого текста – это лексическая синонимия. Следует обратить внимание с одной стороны на высокую частотность синонимии, с другой же – на факт, что слова вступающие в синонимические соотношения, представляющие три языковые стихии с неоднородной стилистической характеристикой: церковнославянскую, западнорусскую и польскую здесь получают статус равноправных языковых образований. Такая ситуация возможна только в условиях искусственно созданного языкового организма. Поражает случайность и необоснованность отбора синонимических вариантов, лишенного выразительных и логических критериев. Иногда бывает, что синонимы выступают на той же странице, в небольшом расстоянии друг от друга, а даже, случается, следуют один за другим (см. например примеры 7, 10, 11, 15, 16, 24, 30, 35, 40). Это несомненно свидетельствует о стремлении переводчиков сделать текст максимально понятным для читающих. Ниже я привожу наиболее характерные примеры этого явления:

- 1) О вѣре и ѿ преданіи апостольскоѿмъ (1а. 4–5);
О вѣре и ѿ складе ап[осто]л(с)кѿмъ (2. 3);
исповеданіе вѣры еже естъ вѣрую въ единого б[о]га (2а. 7);
Преданіе апостольское или вѣрую въ единого б[о]га (3. 8);
- 2) правдиваго бога (2. 9);
истин'ныи сынъ б[о]жїи (5а. 9);
единым' праведнымъ и вѣчны(м) б[о]гѿмъ естъ (7. 9);
егда са(м) истин'ныи б[о]гъ (28а. 14);
- 3) О люб'ви и заповѣди б[о]жїи (2а. 10);
О м[и]л[о](с)ти и заповеди б[о]жиеи (19а. 5);
- 4) Прїтерпї подъ понѣтїемъ пилате роз'пАтыи (3а. 9);
за владѣтелА пилата с понѣту на кр[е](с)тї пропАтыи (6. 2);
- 5) Грѣхомъ ѿставленіе (4. 8);
Грѣхомъ ѿ(т)пущеніе (9. 1);
- 6) Тѣлу з м[е]ртвы(х) повстанье (4. 11);
Тѣлу з м[е]ртвы(х)' восстаніе (9. 11);
- 7) Тайное изъкупленіе ч[е]л[ове]ч[е](с)кое на(м) подаваА (5а. 7–8);
нашего ради сп[а]с[е]ніА и ѿ(д)купенїА (5а. 13);
- 8) Сниде до аду (6. 5);
Пек'ло (52а. 8);

- 9) Таинное въскр[е]с[е]ніе исусъ х[ри]с[то]во в собѣ *закрываетъ* (6. 7);
вси вѣрніи которые же быша суть или когда бѣдуютъ в собѣ *задерживаА* (8. 8–9);
- 10) и то за истин'но по(д)лин'но събѣ метъ (12а. 8);
- 11) просАще *абы* всегда... множилосе познаваніе и боАзнь (15. 1);
Молим'сА *чтобы* намъ... б[о]гъ далъ *абы* есмо... достигнули (15. 12);
- 12) иже *се* в тѣхъ сед'ми м[о]л[и]тва(х) *закрываетъ* (17. 9);
то иже кратко *возд'ръживаА* во первыхъ чотырохъ прошеніи (17а. 8);
в' которомъ *се* сполна законъ *задерживаА* (21. 9–10);
прав'диве и сполна в томъ *се* сакраментѣ *закрываетъ* (36. 12–13);
- 13) наконецъ же (11а. 10–11);
наостатокъ (17а. 5–6);
напоследокъ же (18. 5);
- 14) Три *последнїе* (17а. 11–12);
Что двое *остат'ние* заповѣди (27а. 5);
- 15) По бжеженію *заповѣди* его (20. 12);
абыхъмѡ приказанъА его стерегли (20. 14);
Дла чого *приказаніе* есть десАтеро (21. 6);
А иже есть двѣ *заповѣди* любви (21. 8);
- 16) По бжеженію *заповѣди* его (20. 12);
абыхъмѡ приказанъА его *стерегли* (20. 14);
кто имѣА *заповѣдь* мою и *хранить* е (20а. 2–3);
- 17) Абы еси не *принАлъ* имени г[о]с[по]да б[о]га твоего *на тѣхъ* (21а. 11);
которые имА его *держи(т)* *на тѣхъ* (21а. 14);
не будещи *объдержалъ* имени г[о]с[по]да б[о]га твоего *всѣ* (24. 5);
- 18) Абы еси не *принАлъ* имени г[о]с[по]да б[о]га твоего *на тѣхъ* (21а. 11);
которые имА его *держи(т)* *на тѣхъ* (21а. 14);
не будещи *объдержалъ* имени г[о]с[по]да б[о]га твоего *всѣ* (24. 5);
- 19) *Паметуи* абы еси д[е]нь неде(л)ныи с(вА)тилъ (22. 1);
Помни ижъбы еси д[е]нь неделныи пом'нилъ и с(вА)тилъ его (24а. 3);
- 20) *Паметуи* абы еси д[е]нь неде(л)ныи с(вА)тилъ (22. 1);
Хощеть абы есмо *неделю* або д[е]нь свАтыи... *исправАли* (24а. 5);
- 21) Не *л'жесвидѣтельствуи* на ближнего твоего (22. 14);
И не буди *злаго*лати противъ бли[ж]нему *лживаго свидѣтельства* (27. 12–14);
- 22) Не *во(з)жадаи* жоны бли(ж)него твоего (22а. 2);
Не будещъ *пожедати* жоны... ближнего твоего (27а. 6);
- 23) Что *заповѣдуетъ* второе (24. 4);
А сед'мое что намъ *брани(т)* (26а. 13);
ВъзбранАА лживаго свидѣтельства (27. 14);
- 24) что не хощешъ абы тобѣ *чинено* того другу не *чини* (29а. 2–3);
а всего того чого хощете да *творАть* вамъ чл[о]в[ѣ]цы такоже
и вы имъ *чините* (29а. 4–6);

- 25) С[вА]тыи елеи иѡ *о*стано(ч)ное помазаніе (32. 4–5);
елеи илиѡ *о*статнее помазаніе (37. 11–12);
- 26) Иже естъ нѡваго завѣту *ж*ерѣтвою *о*бѣАтою (35. 13);
- 27) *п*ремененіи хлѣба и вина в тѣло и кровь г[о]с[по]да н[а]шегѡ (36. 2);
хлѣбъ и вино в тѣло и кровь г[оспод]а ісусъ х[рист]а *б*ываА *п*реображен'но (36а. 11);
- 28) Покаяніе (32. 4);
тружаніе (38а. 4);
- 29) Которые соу(т) *д*ѣла или *ч*ины *сп*равед'ливости (39. 2);
- 30) Съкрушеніе *или*ѡ желованіе в мысли (38а. 15);
*б*регѣА *з*лагѡ или грѣха (39. 5);
и чини бл[а]го *и*ѡ *б*о по раду и *сп*раве(д)лѣвості (39. 5–6);
или чинити бл[а]го *а*лѡ *сп*раведливість (39. 8–9);
противу *з*акѡну б[о]жѣму *а*лиѡ *м*имѡ *з*акѡнъ *б*ожїи (39а. 15);
*о*то ису(с) хр[и]ста не *р*асказующего *ї*ѡ *п*овелевающого (52. 10–11);
- 31) чрезъ кр[е](с)тъ... намъ *б*ываетъ *п*репуцѡнни (39а. 11);
въ скорости *б*ываютъ *о*(т)пуцѣны (41. 9–10);
- 32) *н*и на сѣмъ свѣте... *а*ни на *о*но(м) (43. 12–13);
- 33) *и*ѡ *в*сАкое *н*енависти и *з*аизрѡсти *п*ожодливости жили (28.1–2);
*м*илѡсти *б*ратнеА *з*аизреніе (43а. 8);
- 34) Которымъ *н*раво(м) чуж(д)ии грехи намѡ *б*ывающе *п*рич[е]стены (44а. 6);
*д*еветю *с*пособъ (44а. 9);
- 35) *и*же *с*А *с*трежетъ *з*лагѡ и *б*рѣжетъ *с*А греха (45а. 14–15);
- 36) *ї*же тїи *ч*тѡ тацїи *р*ечи *д*елаютъ (45а. 10–11);
*т*ѡму *к*оторыи *в*естъ *ч*тѡ е[с]тъ бл[а]го а *н*ѣ *ч*и[н]итъ *т*ого (46. 6);
- 37) *в*од'лугъ *в*оз'ваниА *с*воего (46. 13–14);
*п*од'лугъ *з*вычайѡ (47а. 3);
- 38) *а*ще *е*с'ли *ш*ирѣи *т*ое *с*лово *х*ощеши *р*азуметъ (47а. 9);
- 39) *п*равдиваго *б*ога и *ч*еловѣка (2. 10);
*с*ѡбѣ а *д*ругимъ *ж*адаемо (48. 7);
- 40) *о*то ису(с) хр[и]ста не *р*асказующего *ї*ѡ *п*овелевающого (52. 10–11);

Хотя и мои исследования языка катехизиса еще далеко не закончены, но уже сейчас я могу констатировать с полной уверенностью, что язык исследуемого памятника не церковнославянский язык, не русский, не западнорусский („простая мова русская”). Это тот же самый язык, который создал для своих переводов и комментариев Библии „докторъ францискъ скорина изъ славнаго града полоцка, богу ко чти и людемъ посполитымъ къ доброму научению”. Язык катехизиса совмещает в себе три тогдашние языковые стихии, действующие на интересующей нас

территории: западнорусскую (белорусскую), церковнославянскую и польскую. Подробно охарактеризовать язык исследуемого памятника еще слишком рано. Однако уже сейчас я в состоянии сделать констатацию более общего характера, а именно, определить значение этого факта, что катехизис выдержан в духе языка библейских сочинений Ф. Скорины для истории языков и письменности восточных славян. Не подлежит сомнению, что даже несколько десятков лет после того, как появились первые издания доктора из Полоцка (1517–1519), они все время еще использовались (были в обращении), а их язык оказался самым лучшим орудием распространения христианской науки среди русского православного населения, как русских-москвичей, так и русинов (белоруссов, украинцев), проживающих в пределах Речи Посполитой. Иезуиты несомненно должны были избрать лучший и наиболее эффективный вариант, то есть перевести катехизис на язык, обеспечивающий успех их религиозной миссии в восточной Европе (наверное, они великолепно ориентировались в этом плане). Тут они поступили совсем по-другому, чем протестанты, которые свой катехизис (1562 г.) издали на новом литературном языке (так называемая „простая мова русская”), который достиг своего апогея в половине следующего столетия.

ЛИТЕРАТУРА

- Бандтке (1826) – J. S. Bandtkie, *Historia drukarni w Królestwie Polskim i Wielkiem Xięstwie Litewskiem jako i w krajach zagranicznych, w których polskie dzieła wychodziły*, t. 2, Kraków.
- Давидсон (1975) – C. Davidson, *Собрание славянских рукописей в библиотеке университета в Уппсале*, „Slavica Lundensia”, No. 3, с. 57–86.
- Голубев (1890) – Южнорусский православный катехизис 1600 года. Сообщено С. Т. Голубевым, [в:] *Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца*, кн. 4, отдел 3, Киев, с. 1–141.
- Горбач (1984) – О. Горбач, *Чи копія частини невіднайденого катехизму Степана Зизанія?* (O. Horbacz, *Authentica pars codicis catechismi Stephani Zyzanii olim perditii?*), *Extractum e „Bohoslovia”* XLVIII, Рим–Роме 1987, с. 43–58.
- Заленский (1900) – Ks. St. Załęski TJ, *Jezuici w Polsce*, t. 1: *Walka z różnowiercami 1555–1608*, ч. 2 (1587–1608), Lwów.
- Зернова (1959) – А. Ф. Зернова, *Типография Мамоницей в Вильне (XVII в.)*, [в:] *Книга. Исследования и материалы*, No. 1, с. 167–223.
- Каратаев (1861) – И. Каратаев, *Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами (1491–1700)*, Санкт-Петербург.
- Каратаев (1883) – И. Каратаев, *Описание славяно-русских книг напечатанных кирилловскими буквами*, т. I, с. 1491 по 1652 г., „Сборник Отделения русского языка и словесности АН”, т. XXXIV, ном. 2.
- Карский (1962) – Е. Ф. Карский, *Два памятника старого западнорусского наречия: лютеранский катехизис 1562 г. и католический катехизис 1585 г.*, [в:] *Труды по белорусскому и другим славянским языкам*, Москва, с. 188–207.

- Крип'якевич** (1928–1930) – И. Крип'якевич, *Унійні видання і „руські” переклади Антонія Поссевіна в 1580-тих рр.*, „Analecta Ordinis S. Basilii Magni”, vol. 3, s. 537–552.
- Кумор** (1994) – Ks. B. Kumor, *Geneza i zawarcie unii brzeskiej*, [в:] *Unia brzeska. Geneza, dzieje i konsekwencje w kulturze narodów słowiańskich*, red. R. Łużny, F. Ziejka, A. Kępiński, Kraków, s. 26–44.
- Нигольм** (1996) – A. Nyholm, *Två „svenska” lutherska katekeser på ryska*, Uppsala.
- НЦЭ** (1910) – *Podręczna encyklopedia kościelna*, red. Z. Chelmicki, Warszawa.
- Сахаров** (1894) – И. П. Сахаров, *Обозрение славяно-русской библиографии*, т. I–II, Санкт-Петербург.
- СИС** (1972) – *Słownik wyrazów obcych*, red. J. Tokarski, Warszawa.
- Сошников** (1813) – В. Сошников, *Опыт российской библиографии или полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на Славянском и Российском языках от начала заведения типографии, до 1813 года*, ч. I, Санкт-Петербург.
- СЯС** (1977–1984) – *Слоўнік мовы Скарыны*, т. I–II, склад. У. В. Аніценка, Мінск.
- Третьяк** (1912) – J. Tretiak, *Piotr Skarga w dziejach i literaturze Unii Brzeskiej*, Kraków.
- Фаловский** (2000) – A. Fałowski, *Katechizm jezuicki z 1585 roku dla prawosławnych*, [в:] *Hungaro-Baltoslavica 2000, abstracts*, ed. Laczházi, E. Szmolinka, A. Zoltán, Budapest, s. 58–59.
- Фасмер** (1986–1987) – М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, 2 изд., т. I–IV, Москва.
- Щишор** (1999) – K. Szczypior, *Najstarsze katechizmy wschodniosłowiańskie*, [в:] *Święci w kulturze i duchowości dawnej i współczesnej Europy*, red. W. Stępnia-Minczewa, Z. J. Kijas, Kraków, s. 155–161.
- ЭИ** (1996) – *Encyklopedia wiedzy o jezuitach na ziemiach Polski i Litwy 1564–1995*, oprac. L. Grzebień SJ, Kraków.
- Эстрейхер** (1903) – K. Estreicher, *Bibliografia polska*, cz. III, t. VIII, Kraków.

Adam Fałowski

O JĘZYKU KATECHIZMU ZACHODNIORUSKIEGO Z 1585 R.

(Streszczenie)

Artykuł traktuje o języku zachodnioruskiego (białoruskiego) przekładu łacińskiego katechizmu Piotra Kanizjusza *Parvus catechismus catholicorum*. Język katechizmu był jeszcze w XIX w. przedmiotem zainteresowania znanego białorutenisty E. Karskiego, który jednakże nie miał dostępu do całego zabytku, a tylko do jego ostatniego (piątego) rozdziału. Dwa kompletne egzemplarze wileńskiego wydania zachowały się w Bibliotece Uniwersyteckiej w Uppsali pod sygnaturami *Kyrk. Slav. 1*, *Kyrk. Slav. 157*. W swoich badaniach wykorzystuję drugi z wymienionych egzemplarzy.

W artykule dużo uwagi poświęcono okolicznościom powstania tłumaczenia i wydania katechizmu (działalność jezuitów wileńskich i legata papieskiego Antoniego Possewina) oraz miejscu, jakie zajmuje on wśród innych tego typu tekstów w końcu XVI w. na ziemiach Rzeczypospolitej. W analizie językowej zabytku nacisk został położony na słownictwo. Porównano zasób leksykalny badanego tekstu z korpusem leksykalnym języka ksiąg wybitnego białoruskiego humanisty, filologa i wydawcy, Franciszka Skoryny. Pokrewieństwo językowe obu badanych źródeł zostało dowiedzione w sposób nie podlegający dyskusji. Fakt ten ma niebagatelne znaczenie zarówno dla badań nad historią języka białoruskiego, jak również nad stosunkami konfesyjnymi na ziemiach Rzeczypospolitej w drugiej połowie XVI w.